

Мотив журавлиного проклятия (*харал*) в калмыцкой поэзии XX – начала XXI вв.

Римма Михайловна Ханинова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
 0000-0002-0478-8099. E-mail: khaninova@bk.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Ханинова Р. М., 2022

Аннотация. *Введение.* В калмыцкой поэзии XX–XXI вв. журавлиная тема связана в общем орнитологическом ряду прежде всего с символами фауны степного края, родины, отчего дома. Актуальность, новизна и цель статьи обусловлены выявлением в стихах калмыцких поэтов мотива журавлиного проклятия и/или мщения из-за гибели птенцов, одного из журавлиной пары, как следствие — горя, печали, одиночества птицы. Этот мотив не был объектом и предметом исследования, как в целом и журавлиная тема в калмыцкой лирике. В работе применялись следующие *методы* исследования: историко-литературный, сравнительно-сопоставительный, описательный. *Результаты.* Обращение вначале к устному народному творчеству калмыков, в том числе монголов и бурят, с журавлиной темой, к обычаям, обрядам и суевериям позволило определить основные сюжеты и образы журавля для сопоставления со стихотворениями калмыцких поэтов разных поколений, с русскими переводами их репрезентативных текстов. Изучение неизвестной ранее калмыцкой легенды о журавлином проклятии, услышанной Н. С. Хатуевым от отца и сохраненной в стихотворении, способствует, во-первых, введению в научный оборот данного сюжета, во-вторых, уточнению мотива журавлиного проклятия, гибели, одиночества, мщения или беззащитности птиц от зла в калмыцкой лирике, в-третьих, появлению новых нюансов при описании исторических событий (Великая Отечественная война, ссылка калмыцкого народа) — журавли как души ушедших из жизни людей. *Выводы.* Стихотворения Н. С. Хатуева, А. И. Сусеева, Б. Б. Дорджиева,

М. В. Хонинова, Б. Б. Сангаджиевой, Т. О. Бембеева, Э. А. Эльдышева, с одной стороны, продолжают фольклорную традицию в калмыцкой поэзии XX–XXI вв., с другой — являют трансформации и новации в журавлиной теме. Соблюдение национального стихосложения в репрезентативных произведениях передают и особенности индивидуальной манеры автора. Русские переводы оригинальных текстов калмыцких поэтов не всегда адекватно передают заявленные мотивы, не совпадая по форме и содержанию. Исследование журавлиной темы в калмыцкой поэзии XX–XXI вв. может быть продолжено с включением других мотивов, в том числе в фольклорном аспекте.

Ключевые слова: проклятие (харал), легенда, сказка, фольклор, журавль, калмыцкая поэзия, поэтика, перевод

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Ханинова Р. М. Мотив журавлиного проклятия (*харал*) в калмыцкой поэзии XX – начала XXI вв. Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 3. С. 144–170. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-3-23-144-170

The Crane’s Curse (*Kharal*) in Kalmyk Poetry, 20th – Early 21st Centuries: Analyzing the Motif

*Rimma M. Khaninova*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin Str., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0002-0478-8099 E-mail: khaninova@bk.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Khaninova R. M., 2022

Annotation. *Introduction.* In 20th/21st-century Kalmyk poetry, the crane theme — like any other involving bird images — serves to symbolically address the fauna of the steppe region, native land, and ancestral home. *Goals.* The article aims to analyze Kalmyk poetic texts for the motif of

the crane's curse and/or revenge caused by the death of chicks, that of the spouse, and related grief, sadness, and loneliness of the bird. Both the motif and the crane theme in Kalmyk lyrics at large have never been subject to research. *Methods.* The work employs the historical/literary, comparative, and descriptive methods. *Results.* The paper begins with insights into oral folklore traditions of Kalmyks, Mongolians and Buryats for the crane theme, associated customs, rituals and superstitions, which makes it possible to identify key crane-based plots and images for further comparative analyses into Kalmyk poems authored by representatives of different generations, and corresponding Russian translations. The study of the previously unknown Kalmyk legend of the crane's curse recorded by N. Khatuev from his father and preserved in the poem, firstly, introduces this plot into scientific circulation; secondly, clarifies the motif of the crane's curse, death, loneliness, revenge or defenselessness of birds from evil in Kalmyk lyrics; thirdly, adds new nuances to descriptions of historical events (Great Patriotic War, Kalmyk Deportation) — cranes to stand for souls of deceased persons. *Conclusions.* The poems by N. Khatuev, A. Suseev, B. Dordzhiev, M. Khoninov, T. Bembeev, and E. Eldyshev, on the one hand, continue the folklore tradition in 20th/21st-century Kalmyk poetry, while, on the other hand, show transformations and innovations in the crane theme. The adherence to ethnic versification patterns in examined works also conveys certain peculiarities of the authors' individual styles. Russian translations of the original Kalmyk poetic texts are not that precise to articulate the declared motifs, being different enough both in form and content. Investigation of the crane theme in modern Kalmyk poetry can be continued through the involvement of other motifs, including in the folklore aspect.

Keywords: curse (kharal), legend, folktale, folklore, crane, Kalmyk poetry, poetics, translation

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. AAAA-A19-119011490036-1 'Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions'.

For citation: Khaninova R. M. The Crane's Curse (*Kharal*) in Kalmyk Poetry, 20th–Early 21st Centuries: Analyzing the Motif. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2022; 3: 144–170. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-3-23-144-170

Введение

В орнитологическом ряду калмыцкого фольклора (орел, лебедь, сова, сорока, ворона, филин, ласточка, гусь, воробей, павлин,

попугай и др.) журавль занимает определенное место. Так, в сказке «Гусь и журавль» он мудро стыдит гуся-хвастуна, становится посредником между волком и мышью («Братья-мыши») [Хальмгтуульс 1961: 207–208], в варианте «Семидесяти двух небылиц» героиня при помощи колодезного журавля спускает на веревке свою голову в нижний мир, чтобы она могла напиться и вернуться в верхний мир [Басангова 2002: 32] (см. подробнее о журавлиной теме в калмыцком фольклоре: [Басангова 2018; Басангова 2019]).

В монгольской сказке «В отсутствие хана» младшая жена хана, изувеченная по навету несправедливо, вернула свое зрение (был выколот один глаз) благодаря журавлю. «Однажды в степи она увидела, как слепой журавль, вырыв из земли и проглотив какой-то корень, внезапно прозрел, взмахнул крыльями и улетел. Женщина подобрала остатки целебного корня. Едва она их съела, как почувствовала, что стала зрячей на оба глаза» [Монгольские сказки 1962: 121]. В бурятской сказке «Тухурюн Шубун (Журавль)» журавль из-за того, что не стал царем птиц, потому что птица Буксэргинэ вовремя не прилетела на общее собрание, рассердился на нее, сломал ей правый бок [Бурят-монгольские сказки 1953: 147–148]. В другой, схожей по сюжету бурятской сказке «Птица хан Хурдуг» журавль тоже рассердился на чекана, предложившего птицам остаться с прежним ханом: сломал чекану позвоночник, и птицы не захотели себе такого хана [Бурятские народные сказки 1976: 389–390].

В монгольской пословице «Журавлю не годится павлиний хвост» отмечен внешний вид скромного оперенья птицы, представленной в калмыцких народных песнях «Хар келн тоһрун» («Черноголовый журавль»), «Өл-манхн тоһрун» («Серый журавль») и др. Общее название птицы *тоһрун* имеет и разновидность *тоһрун-саэхлэ* ‘журавль-красавка’ [Манджикова 2007: 71].

У славян журавль «называют святой птицей (хорв.), считают вестником добра наряду с ласточкой (герцеговин.). Убийство Ж. македонцы Гевгелии расценивают как грех. В Герцеговине верят, что наказание постигнет всякого, кто убьет Ж.: нива его станет бесплодной, а с ним самим случится несчастье. <...> При обраще-

нии к летящим Ж. слово журавль у украинцев и белорусов табуируется исходя из народной этимологии. Если назвать их журавлями, они в ответ прокричат: „Шоб ты журыуся [печалился] целый век!“ (житомир., ПА). Поэтому их называют веселиками или приветствуют словами: „Здароу буу пан весёлый!“ , на что Ж. отвечают: „Нэхай жэ штоб ты весела була на весь год“ (гомел., Mosz.PW: 166) и т. п.» [Гура 1995: 229].

В представлении калмыков журавль — сакральная птица, что, возможно, связано с реликтами тотемистических представлений о журавле как предке одного из родов. Поэтому на него нельзя было охотиться, разорять гнезда, уносить птенцов, иначе это грозило журавлиным проклятием. «Если иногда дети приносят яйца журавлей, то родители сильно беспокоятся и заставляют их отнести обратно. Калмык в полной же уверенности, что журавли способны заклинать. При этом считается, что их заклинания всегда достигают своей цели. Особенно сильным заклинанием обладают бугровые журавли. Вера в заклинание журавлей так сильна, что даже полет журавлей над хотоном производит суматоху. Как только слышат голоса журавлей над хотоном, то из каждой кибитки выходят с водой и плещут на них, выплевывая. Веру в заклинание журавлей среди населения поддерживает таким образом духовенство, — указывал в начале XX в. У. Д. Душан. — Часто оно в своих священных книгах находят объяснение того или иного несчастья, в особенности случившегося с детьми, в заклинаниях журавлей» [Душан 2016: 196–197]. Недаром «калмыки называли журавля птицей с проклинающим языком — хар келн тоһрун» (‘букв. журавль с черным языком’) [Бакаева 2009: 118]; «для сравнения: человек, произносящий проклятие, для усиления его действия, мажет язык черной сажей» [Борджанова 2007: 129], обряд изгнания проклятия калмыки называли *хар келн утлһн* ‘букв. отрезание черного языка’ [Очиров 2006: 266–270]. «Считалось, что журавль может проклясть того, кто разорил его гнездо» [Басангова 2018: 118].

По мнению монголоведа Намжавина Содмона, «определение „хар келн тоһрун“ указывает не на заклятие журавля, а на особенность оперения на голове птицы: черные перья (черноголовый жу-

равль) в отличие от серого журавля, поэтому „келн“ — язык здесь в значении „язычок“, „хохолок“ перьев» (цит. по: [Ханинова 2012: 228]).

Ср. в монгольской сказке «Белая кобылица» лошади резвились на берегу реки и раздавили семь гусиных яиц. Белая кобылица предупредила табун, что они теперь стали врагами птиц, те убьют лошадей, надо уходить. Но ее не послушались, и наутро прилетевшие птицы заклевали всех лошадей, уцелела лишь раненая белая кобылица с жеребенком [Монгольские сказки 1962: 168].

Калмыки верили, что «проклятие в адрес человека может произнести птица или животное, если погублено их потомство. Известно бытование волчьего и журавлиного проклятий» [Басангова 2008: 120].

Этиологическая легенда о журавлином проклятии в стихотворении Николая Хатуева «Тоһруна һундл» («Жалоба журавля», 2014)

Мотив проклятия в калмыцкой поэзии не рассматривался, кроме наших статей о жанре проклятия (харал) в адрес человека в стихотворениях калмыцких поэтов [Ханинова 2022а; Ханинова 2022б].

В самозаписи сказительницы Т. С. Тягиновой «Тоһруна тууж» («Предание о журавле») рассказывается о жалобе журавля заячи¹ — распорядителю судеб: *Тоһрун заячлаһан зарһцж болна: «Хорхан дуңгэ богшудад хөрн өндг өгдмчи, хөөнэ дуңгэ нанд хойрхн өндг өгдмчи. Ардан юуһан дахулхви, алевдан юуһинь өхви?»* — *гинэ* [Тягинова 2011: 39]. В нашем переводе: ‘Журавль стал жаловаться заячи: «Воробью размером с червяка даешь двадцать яиц, а мне, который величиной с овцу, даешь только два яйца. Кого мне за собой вести, кого оставить после себя?»’.

Народную легенду о журавлином проклятии современный калмыцкий поэт Н. С. Хатуев (род. в 1953 г.) услышал от своего отца, знатока родного фольклора, С. Ш. Хатуева и сохранил ее, поэтически переложив в своем стихотворении.

¹ От заян ‘судьба’ [КРС 1977: 243].

Хатуһа Николай

Николай Хатуев

Тоһруна һундл

*Өл-маңхн тоһрун
Өрүн-асхнд доңһдна.
Өрчднь төөһрсн һундлан
Өөлэд заячдан келнэ.*

*«Хөн цогцта нанд
Хоёр һуужмл заядмч?»*

*Авддан кенэн өгхв?
Ардан кенэн дахулхв?*

*Хомһлар үүрэн ясдг,
Хамг эмтнлэ бээдг,
Хурвчас элэд богшурһад
Хойрас элвгэр өгдмч?*

*Заячнь оньган өгнэ,
Зэрлгэн аитһнь амлна:
«Үүричнь эвдлэж тараһад,
Үрнэнчнь эмнд күрснд,*

*Догшин харалчн күрх,
Дорацэж хөвнь буйсх».*

Жалоба журавля

Серый журавль курлычет в печали,
Степью разносятся звонкие плачи.
В памяти птичьей обида горька,
У зайчи он спросил погоды:

— Ростом с овцу я, так почему же
Дал двух птенцов только мне? И к тому
же

Некого мне за собой сохранить,
Некому следом за мною ступить.

А воробью, ростом меньше наперстка,
Больше птенцов подарил для потомства?
Строит он гнезда рядом с людьми,
С ними соседится в мире, гляди.

Слушал с вниманием жалобу молча
Сам заячи, повелел полнолично:
— За разоренные гнезда твои
И за птенцов, что погибли твои,

Прокляты будут тобою враги,
Худшую долю познают они.

[Хатуев 2021: 47].

Перевод Р. М. Ханиновой.

Нетрудно заметить, что сюжет этой легенды, перекликаясь с преданием, объясняет, как появилось журавлиное проклятие. Различие есть в небольших деталях первой части двух историй: яйца — птенцы, сравнение воробья с червяком — сравнение воробья с наперстком. Основное различие заключается в том, что заячи, распорядитель судеб, откликается на жалобу журавля, на-

деляет его магией проклятия; в контексте сюжета — предостережение журавлиным врагам, чтобы они не вредили птицам, иначе их ждет мщение.

Стихотворение Н. С. Хатуева состоит из шести строф: четыре катрена и один дистих (18 строк). Диалог с заячи оформлен в виде прямой речи. При этом ответ заячи структурно разделен: начало предложения в четвертом катрене, окончание предложения — в дистихе. Возможно, такой разрыв прямой речи обусловлен смысловым акцентированием возможного птичьего проклятия.

Журавль в стихотворении обозначен как *өл-маңхн тоһрун* 'сизый, т. е. серый, журавль', распространенный в калмыцкой степи, как и журавль-красавка. В названии текста «Тоһруна һундл» существительное «*һундл*» имеет несколько основных для нашего контекста значений: 1) жалоба, 2) обида, 3) тоска [КРС 1977: 169]. Все три значения обусловлены состоянием журавля, оставшегося без потомства, но в нашем переводе названия стихотворения актуализирован смысл жалобного обращения птицы к заячи за справедливостью, в поисках сочувствия, поддержки, понимания его печали и горя из-за потери детей.

Стихотворение открывается пейзажной картиной, основанной на акустическом компоненте: серый журавль с утра до вечера курлычет, он рассказывает о своей обиде и тоске, жалуясь заячи. Сравнение себя с воробьем в аспекте физической величины и возможности потомства не в свою пользу побуждает журавля к резкому высказыванию, отсюда и литота в описании воробья: меньше наперстка, а плодовит. Воробей действительно птица небольшого размера — 15–17 см, весит от 20 до 35 граммов. Обычно в кладке от 5–7 яиц, иногда их число достигает десяти; за один сезон воробья может вывести 2–3 потомства. В стихотворении Н. С. Хатуева речь идет не о полевом, а о домовом воробье, селящемся близ людей («Хамг эмтнлэ бээдг»).

В зависимости от вида высота журавля — 90–95 см, вес от 2 до 11 кг, журавль-красавка относится к мелким журавлям, к средним — серый журавль. Журавлиха обычно откладывает два яйца, иногда выживает лишь один птенец. Поэтому забота журавля о со-

хранении потомства в произведении калмыцкого поэта подтверждает знание кочевников о фауне родного края, о системе запретов для сбережения этих птиц.

Ср. в стихотворении монгольского поэта Далайн Найманжина (род. в 1936 г.) в переводе Н. В. Стефановича:

Когда-то в журавля, спешащего к птенцам,
Камнями я бросал, — зачем, не знаю сам.
Привстав на стременах, стремительный и злой,
Я настигал его упругою петлей.
Тогда не ведал я, как мечешься, спеша,
Заслышав где-то плач родного малыша.
Но если бы тогда я знать про это мог, —
Нет, не был бы я так бессмысленно жесток.

[К солнцу! 1969: 61].

Несмотря на то, что в этом стихотворении прямо не говорится о подобном запрете, в контексте можно понять обозначенную традицию. «Считалось, что журавль может проклясть того, кто разорил его гнездо» [Басангова 2018: 118]. Согласно легендам, как указывает современный исследователь, калмыцкая протяжная песня «Хар келн тоһрун» («Журавль с черным языком») «не что иное, как пение журавушки, потерявшей птенцов и кружащей над местом их гибели с протяжным криком» [Басангова 2018: 116]. Кроме того, «существовала примета, согласно которой убийство одного птенца журавля равно убийству гелюнга» [Басангова, Буркин 2001: 63]. Гелюнг (калм. *гелң*) — буддийский монах [КРС 1977: 136]. Прием фольклорного параллелизма — мир людей и мир природы — актуализирует искомую взаимосвязь в представлении монголоязычных народов.

Мотив журавлиного одиночества в стихотворении Аксена Сусеева «Һанц тоһрун» («Одинокий журавль», 1969)

Гибель одного из журавлиной пары — распространенный мотив в мировой поэзии, в том числе и в калмыцкой.

Аксен Сусеев

Һанц тоһрун

*Тег теишкэтлэн тарһлэж,
Тегш төгэлндэн налаж.*

Торһа нарнур өөдлэж,

Төрл-садарн дуулэж...

*Көк ноһаһар тег
Кеерчкхн дүңгэжэ налана,
Деер нарн инэсн,
Делкэг дулаһар хаһһана.*

*Бүчртэ йиртмэжнь цецглэж,
Живртэ хамгнь өндгэлэж,
Бүгд малмуд үрслэж,
Жирһлтэ заһсд түрслэж.*

Иим нег өдрт

*Иньг-теегиннь аһуд
Бамб цецгин үнрт
Байрта-хальң йовад,*

*Теегин эжим хаалһд
Тоһрун йовсиг үзүв...
Хар келн тоһрун
Ханьнь уга, һанцарн.*

*Намаг үзчкэд тоһрун
Нанд гекхн болв,
Зовлңган күүнд келхэр
Зовсн болэж медгдв.*

Аксен Сусеев

Одинокий журавль

А степь все тучнеет повсюду весною,
Раскинулась вширь — горизонт не
видать.

Здесь к солнцу взлетает, поет там с
роднею

Торга, прославляя степи благодать.

Зеленой травой простор нарядился —
Он так величавей в своей красоте.
И солнце смеется — весь мир обогрелся,
Искрится в небесной своей доброте.

Деревья цветут — возродилась природа,
Пернатые в гнездах яички кладут,
Весь скот ожидает весною приплода,
На нерест все рыбы усердно идут.

Таким днем однажды в родимом
просторе,
В тюльпановом запахе шел по степи
Я в радостном духе, хмелея, но вскоре
Та радость сменилась печалью в пути.

Увидел я тут журавля на дороге:
Он шел одинокий, он был очень тих.
И нет никого рядом с ним — я в тревоге:
Без спутника он, головою поник.

Увидев меня — показалось мне — птица
Как будто кивнула, приветствуя здесь,
Как будто хотела она поделиться
Страданьем своим, как я понял, ту весть.

Өөрдэд күрэд ирхлэм,
Өөдлэд нисэд харв,
Өөрхнд хэрү буув,
Өөлсн дун соңсгдв.

Дэжн шинэс тоһрун
Давтад толһанан гекв.
«Хэлэ өөрэн, хээмнь,
Хэлэ!» — гисн болв.

Эргн-төгэлдэн хэлэхлэ:
Элк түргүл кевтсн
Толһань сумнд цоорсн
Тоһрун ноһанд үзгдв.

Ичрэн геесн аңһучас
Иньгэн харсад үксн
Эр тоһрун болж
Эн нанд сангдв.

«Медвчи мини зовлциг?
Медснч... һундлм ил...
Кишго улсин тускар
Күн болһнд кел!»

Хальме дуунд магтгддг
Хар келн тоһрун
Хар саната аңһучиг
Харасн болж медгдв.

Хол биш — өөрхнд
Хошаһад тоһруд үзгднэ.
Шар нарна ээврт
Шарка-барка бишлднэ.

Төгэлд хаврин жсирһл
Төл өскж ниргнэ.

Когда, подойдя, я приблизился к птице,
Взлетела она надо мной в синеве,
Поблизости вновь опустилась, и птицы
Тут жалобный голос послышался мне.

И снова журавль мне кивнул (я не скрою),
Он дважды меня словно звал погодя.
«Смотри ты, мой миленький, рядом с собою,
Смотри!» — так я понял призыв журавля.

Когда огляделся вокруг, то увидел
Ничком тут лежащую птицу в траве,
Убитую кем-то, охотником, видно,
И с пулей в разбитой ее голове.

Охотник свой стыд потерял, если все же
Он поднял ружье, чтоб убить журавля.
А этот журавль, так подумал я тоже,
Погиб, защищая подругу, тогда.

«Ты понял мучения эти, прохожий?
Ты понял меня... всю тоску журавля...
О вредных людишках, таких же, похожих,
Ты каждому скажешь, прошу я тебя!»

В народных-то песнях прославили птицу.
Она же имеет и черный язык,
Я понял: плохого охотника птица
Сейчас проклонила, — и в это я вник.

Поблизости видятся мне на просторе
Не стаи, а пары степных журавлей:
Калмыцкие танцы танцуют те в роде
Под солнечным светом весенних степей.

Вокруг же весенняя жизнь играет,
Приплод прибавляется, шумно растет.

Эн тоһрун һанцарн
Эңсэд тег эргнэ.

А этот журавль по-над степью летает
И плачет навзрыд, никого не зовет.

1969 ж.

23–24.09.2022

[Сусеев 1984: 74–76].

Перевод Р. М. Ханиновой.

В стихотворении Аксена Сусеева «Һанц тоһрун» («Одинокий журавль», 1969) звучит журавлиное проклятие в адрес охотника, убившего журавлиху. Сюжет развивает мотив гибели одного из журавлиной пары. Картина весенней степи, открывающая стихотворение, рисует радостные сцены возрождения природы: пение жаворонка (калм. *тоpha*), зеленый простор, смеющееся солнце, цветение деревьев, кладка яиц, нерест рыб, запах тюльпанов внезапно сменяются видом одинокого журавля, шествующего по степной дороге. Воображаемый диалог между человеком (лирический субъект) и птицей дополняется кинетикой журавля, увлекающего за собой прохожего, чтобы показать мертвую подругу. Деталь — разбитая пулей птичья голова — становится доказательством злой воли убийцы. Журавль словно обращается к путнику с просьбой рассказать каждому о таких плохих людях. Эта характеристика являет в контексте проклятие (*харал*), дополненное названием журавля — *хар келн тоһрун* ‘букв. журавль с черным языком’. *Хар келн тоһрун / Хар саната аңһучиг / Харасн болж медгдв* [Сусеев 1984: 76]. В нашем смысловом переводе: ‘Журавль с черным языком, как я понял, проклял охотника с черными мыслями’. Ср. в легенде Н. С. Хатуева присутствует серый журавль (*өл-маңхн тоһрун*). Поэт завершает свой рассказ контрастом между весенней жизнью и плачем одинокого журавля, летающего в степи.

Если у Н. С. Хатуева журавль обращается к зайчи, то у А. И. Сусеева журавль взывает к человеку. Охотник назван человеком без стыда, поскольку тот поднял ружье против журавля. Здесь журавлиная пара показана без птенцов. Переживания одинокой птицы равны человеческим переживаниям. Психологический параллелизм контраста (смеющееся солнце и плачущий журавль) усиливают авторский посыл.

Четырнадцать катренов (56 строк) структурированы разными видами анафоры: сплошная (1, 7, 12 строфы), перекрестная (3 строфа), парная (остальные строфы), рифмовка свободная.

Мотив журавлиного одиночества в стихотворении Тимофея Бембеева «Тоһрун» («Одинокий журавль», 1994)

Сюжет стихотворения Т. О. Бембеева «Тоһрун» (в пер. О. М. Дмитриева «Одинокий журавль») перекликается со стихотворением А. И. Сусеева.

Бембин Тимофей

Тимофей Бембеев

Тоһрун

Одинокий журавль

*Киитн сүркэ авглсн,
Киһһән авхла — дагжулна.
Салькн чигн адрсн,
Сана салвлэж, хавиулна.
Хотнас уухнд, хэлэхнь,
Хорһдул уга түрсн,
Тоһрун лавта, хээмнь,
Тонтаж, кеер үзгднэ.*

*«Ода яһад, көөрк,
Ор һанцар үлдсмб?
Медэтнр келдиг санхла,
Мел тиим гидг —
Эрүн дурнаси салхла,
Эмэрн шордна гидг.
Һашута үүл учрснь,
Һанцар, чавас, энрснь
Хара биһи йовдл,
Харм төрм йовдл...»*

*Тегэд, нег серхнь,
Терз һатц цээнэ.*

Так рано вдруг похолодало,
Морозы крепкие стоят,
И «астраханец» дует шало
Уже который день подряд.

Но за селом —
Какое диво! —
Я заприметил журавля.
Неторопливо, горделиво
Он шел один через поля.

Но вот что странно:
Для отлета
Давным-давно уж минул срок,
А он остался отчего-то...
И почему так одиноко?

Ведь могут лишь с подругой вместе
Жить однолюбы-журавли.
Умрет она —
Из поднебесья
Падет журавль на грудь земли!

Гер дотр, келхнь,
Гегэрэж, киитрсн бээнэ.
«Тоһрун яһсн?!» — гинэд,
Толһадм торһзад одсн,
Хувцан адһжэ өмсэд,
Хурдлад теегүр һарсн,
Цаһан торһн көнжлэр
Цасн һазриг бүркжэ,
Тал дунднь өнчэр
Тачалта шовун үрглжэ.
Һанцин седкл даһта,
Һашута бээхнь лавта.

Салькн улм адржана,
Санам йосар зовжана.
Селгэдэр көлөн өргжэ
Живр доран ээсн.
Серулн гихлэ, үргжэ
Жилиһэд зулхаснь ээсн:
«Герурн ав! — болад,
Генткм зүркм догдлад, —
Увлэс, үклэс харс.
Үүрнь бол бас!..»

Тегэд, келжэ йовнав:
— Тесч чадшгог һанцар,
Хавр күртл асрхар,
Халун, киитндч орлицнав.
Дуларад, тег көкрхлэ,
Дурнчн — эврэн хэлэ.
Ижлчн шуугад ирхлэ,
Иньг чигн хэлэ.
Жирһл — живрт бээдг,
Живрэн бичэ зура.
Һанцас му ээдг,
Һавшун залус дура.
Өөдэн теңгүр хагдад,

Но, очевидно, птица эта
Осталась навсегда одна,
Не в силах выполнить обета...
Как зиму выдержит она?

Проснулся как-то, удивился:
Прохладно в доме и светло.
Всю ночь на землю снег ложился,
Куда ни глянь — белым-бело!

Вскочил, оделся, как попало,
И быстро выглянул за дверь:
«Что с журавлем несчастным стало?
Как тяжело ему теперь...»

От дома через снег глубокий
Я проложил глубокий путь
К дремавшей птице одинокой,
Склонившей голову на грудь.

Журавль не спал в степи холодной,
Храня под перьями тепло.
Чтоб отогреть —
Поочередно
Он прятал ноги под крыло.

И сердце дрогнуло от боли:
«Ты в дом свой птицу забери,
Спаси от одинокой доли,
Теплом и дружбой одари!»

Я к птице подошел поближе,
Стал ласково и тихо звать:
«Ты в одиночестве погибнешь,
Так будем вместе зимовать!

*Өрэд одхичн мөрэднэв.
Ардасчн байрлн дайлад,
Алтн хаалһичн йөрәнэв!..*

*Тоһрун итксн уга,
Толһань нээхлсн болла:
Үкн гүүхәрн зулсн,
Үргэд, нисэд одсн,
Тедүкн, толһа деер,
Тегэд оч буув.
Теегт, һанцар, кеер
Теслхән медулж суув.
Кен орлц шовунд
Өширх йовдл үзүлсmb?
Кезэ бидн энүнд
Өр өвдсән иткүлхmb?*

[Бембин Т. 1994: 4].

70 строк.

Придет весна, вернутся с юга
Твои сородичи опять.
Ты приглядишь себе подругу,
Счастливым снова сможешь стать.

Не избегай моей защиты,
Что горд и смел ты,
Помню я.
Лишь только крылья береги ты —
В них сила и краса твоя.

Когда зима минует злая,
Ты улетишь —
На много лет
Тебе я счастья пожелаю
И помашу рукой вослед...».

Слова мои лишь напугали —
Качнула птица головой
И, землю оттолкнув ногами,
Ушла в простор небесный свой.

Скажите,
Кто обидел птицу?
Но, может быть, не навсегда?
Еще, быть может, возвратится
Ее доверье к нам...
Когда?

Перевод О. М. Дмитриева.
[Бембеев 1988: 58–60].
73 строки.

Если в одном случае действие происходит весной, то в другом — в начале зимы. В сусеевском тексте лирический субъект видит не только одинокого журавля, но и убитую его подругу, слышит журавлиное проклятие в адрес охотника. В бембеевском

тексте лирический субъект знакомится с журавлем, оставшимся без подруги и вовремя не улетевшим в теплые края. Здесь использован миф о том, что журавли моногамны, после гибели кого-нибудь из пары другой/другая не заводит новую семью, умирает от тоски. *Медэтнр келдиг санхла, / Мел тиим гидг — / Эрун дурнаш салхла, / Эмарн шордна гидг* ‘Если вспомнить, что говорят старики, так оно и есть: если расстанутся с любимым, лишаются жизни’² [Бембин Т. 1994: 4]. Ср. в переводе О. М. Дмитриева: «Ведь могут лишь с подругой вместе / Жить однолюбы-журавли. / Умрет она — / Из поднебесья / Падет журавль на грудь земли!» [Бембеев 1988: 58]. Человек пытается утешить птицу, говорит о том, что тот, может, весной найдет себе подругу: *Инъг чигн халэ* [Бембин Т. 1994: 4]. В переводе О. М. Дмитриева это предположение звучит категоричнее: «Ты приглядишь себе подругу», так как далее следует пояснение: «Счастливым снова сможешь стать» [Бембеев Т. 1988: 60]. В речь лирического субъекта включен элемент традиционного йоряла — благопожелания в дорогу: *Ардасчн байрлн дайлад, / Алтн хаалличн йөрәнэв!..* ‘Вслед тебе с радостью помашу, благословлю твою золотую дорогу!’ [Бембин Т. 1994: 4]. В переводе О. Дмитриева: «Тебе я счастья пожелаю / И помашу рукой вослед...» [Бембеев Т. 1988: 60], т. е. передано общее пожелание без традиционной формулы с упоминанием пути. Птица, напуганная появлением человека и его речью, поднялась в воздух, полетела и приземлилась на кургане, показывая тем самым, что она останется в степи. В переводе О. М. Дмитриева просто улетела прочь. Концовка стихотворения завершается риторической фигурой — вопросами: *Кен орлң шовунд / Өшрх йовдл үзүлсmb? / Кезэ бидн энүнд / Эр өвдсэн иткүлхmb?* ‘Какой изверг совершил враждебный проступок? Когда мы вернем ее доверие после причиненной боли?’ [Бембин Т. 1994: 4]³. У О. М. Дмитриева в переводе риторические фигуры поданы в смягченной форме: «Скажите, / Кто обидел птицу? / Но, может быть, не навсегда? / Еще, быть может, возвратится / Ее доверье к

² Здесь и далее наш смысловой перевод. — Р. Х.

³ Калм. *орлң* — изверг [КРС 1977: 402].

нам... Когда?» [Бембеев Т. 1988: 60]. По нашему мнению, резкое высказывание автора (*орлң*) обусловлено и ментальным отношением к журавлю, знанием запрета у калмыков охотиться на эту птицу. В бембеевском произведении не звучит журавлиное проклятие, птица молчалива и пуглива, тем самым актуализирована ее беззащитность перед злом и жестокостью человека.

В ранней балладе Т. О. Бембеева «Живрнь тээрнхэ тоһрун» («Журавль с подрезанными крыльями», 1966) [Бембин Т. 1966: 15–16] кто-то подрезал крылья птицы, чтобы она не смогла летать. Автор назвал такого человека хулиганом (*өздң*), т. е. не имеющим злого умысла в отношении журавля. На самом же деле, в контексте произведения — это авторский призыв к защите природы, сожаление об утраченной взаимосвязи бывших кочевников с окружающим миром, т. е. о забвении заветов предков. См. подробнее в нашей статье «Дихотомия „свой“ – „чужой“ в анималистической калмыцкой балладе [Ханинова 2021: 380–394].

Мотив журавлиного одиночества в стихотворении Санжары Байдыева «Тоһрун» («Журавль», 1991)

Похожий мотив есть в стихотворении Санжары Байдыева «Тоһрун» («Журавль»):

*Өөдэн теңер хэлэхлэм,
Өрәсн һанц тоһрун
Көшсн живрән арһул
Көндәж, гейүртә ниснә.*

*Эңкр иньгән унхла,
Элкдәд, деернь киисәд,
Экрәд уульн бәәж
Энтн сөөһән давулж.*

*Килниць — күүнд бәәнә,
Килмәж тоһрунд кергтә,
Эврәнм хуучн шавм
Эн саамд шаркла.*

[Байдын С. 1991: 26].

Здесь та же картина: лирический субъект видит в степи одинокого журавля, медленно взмахивающего крыльями, тоскливо летящего вдаль. Он предположил, что журавль, когда упала его любимая подруга, обнял ее, плакал всю ночь напролет. Грешен в этом человек (*Килницн*⁴ — *күүнд бээнэ*). Журавлю нужна забота. Психологический параллелизм связывает мир природы и мир людей: тогда лирическому субъекту вспомнилась его старая рана (боль), защемило в груди. Журавль в этом тексте имеет общее именование (*тоһрун*) без конкретизации его вида. Дидактическая составляющая стихотворения проявляется в уточнении вины человека и в необходимости заботы о степных птицах.

Ср. со стихотворении Басанга Дорджиева «Тоһруна туск баллад» (1942) [Дорджиев 2008: 18–20], в пер. Ю. Островского «Баллада о журавлях» [Дорджиев 2008: 448–449]. В балладе о войне калмыцкий поэт развернул сюжет о журавлином мщении: когда фашистский летчик стал стрелять в журавлей, убил одного из них, журавлиная стая налетела на самолет, врезаясь в его мотор, таким образом, сбила вражескую машину [Ханинова 2019: 194–206].

Мотив журавлиного одиночества в стихотворении Боси Сангаджиевой «Тоһрун» («Журавль», 1970)

Традиционное описание журавля в аспекте календарного и сезонного прилетов и отлетов в калмыцкой поэзии, например, в стихотворении Боси Сангаджиевой «Тоһрун» («Журавль», 1970).

Саңһэжин Бося

Бося Сангаджиева

Тоһрун

Журавли

*Тагчг асхин терзэрм
Тоһруна дун соңсгдв.
Теңгерт биш, өрчдм
Тачалнь һашудсн болв.*

Ах, какая печаль вековая
В журавлином протяжном «курлы»!
В сумрак осени канула стая,
Крик еще долетает из мглы.
Я бегу за растаявшей цепью,

⁴ *Килниц* — *рел.* грех, греховное деяние [КРС 1977: 300].

*Үзгэн хартасн суһлад
Ардаснь һарад чиңнүв,
Өмэрэн дулан һазрур
Үрвэд нисснь үзгдв.*

*Төрскнэсн сална гисн
Тиим һашута болтал,
Эврәннь дун кевтэ
Ода күртл зоватав.*

1970 жыл.

[[Санһжин Б. 1974: 124](#)].

Слышу в песне их что-то свое,
И всегда расставаясь со степью,
Так же грустно пою я ее.

Перевод А. Г. Наймана
[[Сангаджиева 1984: 104](#)].

Мотив одиночества журавля у Б. Б. Сангаджиевой имеет и гендерный характер. Лирическая героиня слышит в вечерней тишине за окном журавлиный голос. И он отзывается не в небе, как передает она, а в ее сердце горькой печалью. И героиня оставляет свою ручку (подразумевается, что она сидит за столом и работает), выходит из дома, прислушивается. Видит, как птица медленно летит вперед в теплые земли. Женщина думает о том, как горько расставаться с родиной, и она сочувствует журавлиному крику (курлыканию), как собственному, переживая до сих пор.

Ср. в переводе Анатолия Наймана: обобщенная картина осенней ночи, журавлиная стая, лирическая героиня бежит вслед за стаей, так же грустит, расставаясь со степью. У переводчика микшируется мотив одиночества, явленный в оригинальном тексте, важный для смыслового понимания исходной авторской задачи.

Поэтому стихотворение Б. Б. Сангаджиевой не случайно названо «Журавль»: в единственном числе, а не множественном, как у переводчика. И в этом плане данный текст репрезентативен в мотиве одиночества, рассматриваемом в нашей статье. Возникают в контексте вопросы у читателя: почему журавль летит один, где его партнер, где стая? Что случилось? Соответственно настроение лирической героини передает также определенные коннотации, характеризующие ее собственное одиночество и печаль.

Ср. стихотворение бурятского поэта Баяра Жигмытова (род. в 1953) «Журавли...»:

Журавли
Летят в небесах,
Вплывают в симфонию осени.
Отчего же так грустно,
Любимая?
Словно жизни остался
Миг...

[Антология литературы Бурятии... 2010: 494].

Мотивы осени, прощания, одиночества актуализируют размышления лирического субъекта о краткости человеческой жизни, о ценности ее мгновений.

Мотив реинкарнации в стихотворении Эрдни Эльдышева «Теңгрт чивсн тоһруд» («Журавли, утонувшие в небе», 2022)

Две книги Эрдни Эльдышева названы «Семь журавлей» (1997) и «Седой журавль». (2018). В московский сборник включены несколько стихотворений на журавлиную тему: «Седой журавль», «Семь журавлей», «Журавли Расула» [Эльдышев 2018: 19–20, 65–69, 77–78]. В первом из них звучит мотив родины, во втором, посвященном матери, — автобиографический мотив ухода ее из жизни, в третьем — мотив памяти об аварском поэте Р. Г. Гамзатове.

Автобиографический мотив в стихотворении «Долан тоһрун» («Семь журавлей», 1977) актуализирует сакральный образ журавля. Перед смертью матери поэта в небе появляются семь журавлей, словно на прощанье посланные богами, птицы облетели над ее головой, как будто благословляя женщину:

*Бурхи багшин гегэнэ элчнр —
Буйнта долан тоһрун ирлэ.
Эңкр экин толһа деернь
Эргэд нисэж эдс хээрлэ.*

[Эльдышев 1997: 81].

Отвечая этому посланию-благословиению, мать, сложив ладони, помолилась:

Альхан намчлжэ, эк мини

Эдс авч, залвржэ мөрглэ.

[Эльдышев 1997: 82].

Образы журавлей заключают стихотворение:

Өлзэ хээрлсн долан тоһрун

Өршэңһү теңгрт һашуджэ доңһдна.

Буй-кишгэн маднд хээрлсн

Бурхн болсн эким санулна.

[Эльдышев 1997: 83].

Даровавшие благоденствие семь журавлей в милостивом небе горестно курлычут. Лирическому субъекту вспоминается подобная богу мать, благословившая своих детей на счастье.

Количество журавлей в стихотворении также имеет сакральный смысл.

В последнее время журавлиная тема дополняется мотивом сибирской ссылки народа в годы сталинских репрессий (1943–1957). Гамзатовское сравнение летящих журавлей с душами погибших солдат из стихотворения «Журавли» трансформировано в стихотворении Эрдни Эльдышева «Теңгрт чивсн тоһруд» («Журавли, утонувшие в небе», 2022): журавли в полете сродни душам умерших на чужбине калмыков. См. фрагмент:

Һучн һурвдгчин бар сард

Һашута гүрм Хальмгт учрх.

Төрл-саднчнь киитн Сиврт

Тоһрудт хуврэд , теңгрт чивх.

Көсрэ теңгрт эднэ тускар

Көвсн тоһруд һашуджэ доңһдх.

[Эльдышев 2022: 80].

Ср. в переводе Юрия Щербакова:

А потом в декабре сорок третьего года
Все надежды развеет по ветру беда...

И родные твои там, в сибирском изгнание,
Отлетят навсегда от калмыцкой земли.
И в чужих небесах, за неведомой гранью
Прокурлычат печально о них журавли.

Ты их видишь, мой друг стародавний, сквозь слезы
В журавлях, что над морем летят не спеша.

[Эльдышев 2022: 81].

Этиологическая сказка на журавлиную тему в стихотворении Михаила Хонинова «Муурч йовад...» (1977)

Журавлиная тема в калмыцкой поэзии XX–XXI вв. представлена по-разному у многих поэтов, но не была объектом и предметом исследования за исключением нашей статьи, в которой рассмотрен образ журавля в поэзии Михаила Хонинова [Ханинова 2012: 223–229].

Этот образ присутствует как в названии сборника «Теегин шовун — тоһрун» («Журавль — птица степная», 1977), так и в стихотворениях: «Хавртнь тоһрун йовна» («Весною ходят журавли»), «Муурч йовад, тоһрун амрад...» («Устав от полета, журавль...»), «Дөрвн байр» («Четыре радости») [Ханинова 2012: 223].

Так, неизвестную ранее этиологическую сказку, почему журавли ходят по степи, поэт ввел в стихотворение «Муурч йовад, тоһрун амрад...».

Хоньна Михаил

*Муурч йовад,
тоһрун амрад,
моднд суухларн,
көлэн хуһлэж.*

Михаил Хонинов

*Усталый журавль
На дерево сел,
Не удержался,
На землю слетел.*

*Түүнэс нааран
моднас зулад,
теегин тиньгэрт
тоһрун йовдыж.*

Ноги журавль
Тогда же сломал.
С тех пор-то журавль
В степи ходить стал.

[Хоньна М. 1977: 30].

Перевод Р. М. Ханиновой.

В нашем смысловом переводе: ‘Устав летать, / Журавль, отдыхая, / Присел на дерево, / И ноги поломал. / С тех пор, / Избегая деревьев, / Журавль ходит / По степной равнине’. В контексте речь идет и о том, где гнездятся журавли: не на деревьях, а на земле. Трудно определить, народная или авторская версия такой этиологической сказки.

Заключение

Фольклорно-мифологические мотивы с участием журавля в устном творчестве монголоязычных народов являют амбивалентный образ птицы: положительные коннотации в сказках, легендах, преданиях у калмыков, отрицательные — у бурят (см. сюжетный тип «В68А. Птица наказана: пусть несет на себе другую. 29.34.36. Птицы ссорятся, и претендовавшая на высокий статус калечит слабую. За это другие велят ей нести покалеченную у себя на спине» [Березкин, Дувакин]).

Образы журавлей в калмыцкой поэзии XX–XXI вв., с одной стороны, традиционны: журавли как символы весны, степного края, моногамной семьи, сезонных перелетов, возвращения на родину, неразделенной любви, одиночества. С другой стороны, обращение к фольклорным сюжетам, в том числе к легенде о журавлином проклятии, к обрядовой поэзии, обычаям и суевериям калмыков способствует созданию мотивов одинокого журавля, его проклятия в адрес убийц, погубивших птенцов, подругу. Этиологическая сказка о гнездовании журавлей на земле, а не на деревьях передает реалии природной жизни птиц. События Великой Отечественной войны и сибирской ссылки народа повлияли на появление стихотворений, в которых журавли становятся мстите-

лями или душами умерших на чужбине людей, внося в последнем случае буддийский компонент реинкарнации.

В текстах калмыцких поэтов журавль имеет либо общее обозначение (*тоһрун*), либо наименование видов: серый журавль (*өл-маңхн*), черноголовый журавль (*хар келн тоһрун*). Поэтика заглавия акцентирует мотив одиночества: «Тоһрун» («Журавль», ед. ч.), «Һанц тоһрун» («Одинокий журавль»), «Тоһруна һундл» («Жалоба журавля»), «Живрнь тээрхэ тоһрун» («Журавль с подрезанными крыльями»), в остальных случаях множественность актуализируется мотивом потери, гибели кого-то из журавлиной стаи: «Тоһруна туск баллад» («Баллада о журавлях»), «Тенгрт чивсн тоһруд» («Журавли, утонувшие в небе»).

Русские переводы оригинальных текстов калмыцких поэтов не всегда адекватно передают заявленные мотивы, не совпадая по форме и содержанию.

Исследование журавлиной темы в калмыцкой поэзии XX–XXI вв. может быть продолжено с включением других мотивов, в том числе в фольклорном аспекте.

Источники

- Антология литературы Бурятии 2010 — Антология литературы Бурятии XX — начала XXI века. В 3-х тт. Т. 1. Поэзия / сост. Б. С. Дугаров, вступ. ст. Л. С. Дампиловой, Б. С. Дугарова. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2010. 608 с.
- Байдын С. 1991 — *Байдын С.* Һурвн жилв: шүлгүд. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1991. 154 х.
- Бембеев 1974 — *Бембеев Т.* О подрезанных крыльях // Бембеев Т. О. Пульс: стихи и поэмы / пер. с калм. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1974. С. 13–15.
- Бембеев 1988 — *Бембеев Т.* Одинокий журавль // Бембеев Т. О. Кредо: стихи и поэма. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1988. С. 58–60.
- Бембин Т. 1966 — *Бембин Т.* Живрнь тээрхэ тоһрун // Теегин герл. 1966. № 3. X. 15–16.
- Бембин Т. 1994 — *Бембин Т.* Тоһрун // Хальмг үнн. 1994. Декабрин 29. X. 4.
- Бурят-монгольские сказки 1953 — Бурят-монгольские сказки. Чита: Читинск. кн. изд-во, 1953. 166 с.

- Бурятские народные сказки 1976 — Бурятские народные сказки. Волшебство-фантастические и о животных / сост. Е. В. Баранникова, С. С. Бардаханова, В. Ш. Гунгаров. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1976. 443 с.
- Дорджиев 2008 — *Дорджиев Б. Б.* На степных просторах: избранные произведения. Элиста: Издат. дом «Герел», 2008. 814 с. На калм., рус. яз.
- К солнцу! 1969 — К солнцу! Стихи монгольских поэтов / пер. с монг. / Сост. К. Яцковская. М.: Худож. лит., 1969. 170 с.
- Монгольские сказки 1962 — Монгольские сказки / пер. с монг.; сост. Г. Михайлов. М.: ГИХЛ, 1962. 237 с.
- Сангаджиева 1984 — *Сангаджиева Б. Б.* Твоя дождинка: Поэмы, стихи / пер. с калм. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1984. 123 с.
- Саңжжин Б. 1974 — *Саңжжин Б.* Хөв шүлг белглев: сундһн шүлгүд болн поэмс. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1974. 249 х.
- Сусеев 1984 — *Сусеев А.* Һанц тоһрун // Сусеев А. Зүркнэ дун: шүлгүд болн поэм. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1984. Х. 74–76.
- Хальмг туульс 1961 — Хальмг туульс. I хув / бүрдәһэчнр Саңжжин Б., Санган Л. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1961. 219 х.
- Хатуев 2021 — *Хатуев Н.* Тоһруна һундл // Хатуев Н. С. Целительный родник: Стихи, рассказы, благопожелания, легенды, пословицы, обычаи. Элиста: НПП «Джангар», 2021. Х. 47.
- Хоньна М. 1977 — *Хоньна М.* Теегин шовун — тоһрун: шүлгүд болн поэмс. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1977. 73 х.
- Эльдышев 1997 — *Эльдышев Э. А.* Семь журавлей: Стихи, поэма, проза, переводы. На рус. и калм. яз. / предисл. Е. А. Буджалова. Элиста: АПП «Джангар», 1997. 496 с.
- Эльдышев 2018 — *Эльдышев Э. А.* Седой журавль: Стихи / Предисловие Л. Дампиловой. М.: Худож. лит., 2018. 400 с.
- Эльдышев 2022 — *Эльдышев Э. А.* Полынь: Стихотворения. Поэмы. М.: Ассоциация союзов писателей и издателей; Объединенное гуманитарное изд-во, 2022. 528 с. (на калм. и рус. яз.).

Литература

- Бакаева 2009 — *Бакаева Э. П.* Сакральные коды культуры калмыков. Элиста: ИКИАТ, 2009. 159 с.
- Басангова 2002 — *Басангова Т. Г.* Сказочная традиция калмыков // Басангова Т. Г. Сандаловый ларец: Калмыцкие народные сказки / сост., пер., вступ. ст. Т. Г. Басанговой. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2022. С. 3–38.

- Басангова 2008 — *Басангова Т. Г.* Специфика жанра проклятий в фольклоре калмыков // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 4. С. 120–123.
- Басангова 2018 — *Басангова Т. Г.* Журавль в этнокультурной фольклорной традиции калмыков и аварцев // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. 2018. № 15. С. 115–120.
- Басангова 2019 — *Басангова Т. Г.* Журавли в фольклорной традиции калмыков // Вестник Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 2(135). С. 212–217.
- Басангова, Бурькин 2001 — *Басангова Т. Г., Бурькин А. А.* О типологическом изучении магической поэзии калмыков: калмыцко-тунгусо-маньчжурские фольклорные и этнокультурные параллели // Вестник института. Вып. 16. Элиста: АПП «Джангар», 2001. С. 53–67.
- Березкин, Дувакин — *Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н.* Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог [электронный ресурс] // URL: <http://ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (дата обращения: 12.10.2022)
- Борджанова 2007 — *Борджанова Т. Г.* Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 592 с.
- Гура 1995 — *Гура А. В.* Журавль // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5-ти тт. Т. 2 / под ред. Н. И. Толстого. М.: Институт славяноведения РАН, 1995. С. 228–229.
- Душан 2016 — *Душан У. Д.* Избранные труды / сост. В. В. Батыров, Т. И. Шараева. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 376 с.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.
- Манджикова 2007 — *Манджикова Б. Б.* Хальмг орс терминологическ толь (урһмлмудын болн мал-адусна нерэдлһн). Калмыцко-русский терминологический словарь (флора и фауна). Элиста: КИГИ РАН, 2007. 98 с. (на калм. и рус. яз.)
- Очиров 2006 — *Очиров Н.* Живая старина. / сост., вступит. ст., коммент. Б. А. Бичеева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. 398 с. (на калм. и рус. яз.)
- Тягинова 2011 — *Т. С. Тягинович* амн урн үгин көрцгэс. Фольклорные записи из репертуара Т. С. Тягинович. Самозапись 2004–2010 гг. / предисл. Н. Г. Очировой, сост., коммент. Б. Б. Горяевой. Элиста: КИГИ РАН, 2011. 208 с. (на калм. и рус. яз.)
- Ханинова 2012 — *Ханинова Р. М.* Образ журавля в лирике Михаила Хонинова // III Международная научно-практическая конференция

- «Проблемы функционирования и развития языков в полилингвальном пространстве» (г. Элиста, 7–9 октября 2011 г.). Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2012. С. 223–229.
- Ханинова 2019 — *Ханинова Р. М.* Баллада о войне в калмыцкой поэзии XX в. // Новый филологический вестник. 2019. № 1 (48). С. 194–206.
- Ханинова 2021 — *Ханинова Р. М.* Дихотомия «свой» — «чужой» в анималистической калмыцкой балладе // Новый филологический вестник. 2021. № 1(56). С. 380–394. DOI: 10.24411/2072-9316-2021-00029
- Ханинова 2022а — *Ханинова Р. М.* Жанр харал в лирике Аксена Сусеева // Би(поли)лингвизм и проблемы коммуникации: вызовы XXI века: Мат-лы XIV Всеросс. с междунар. участием науч.-практ. конф. (г. Пятигорск, 20–21 апреля 2022 г.) / под ред. А. М. Казиевой. Пятигорск: Пятигорский гос. ун-т, 2022. С. 90–95.
- Ханинова 2022б — *Ханинова Р. М.* Жанр харал в калмыцкой поэзии XX века // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 2. С. 418–440. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-418-440